

Цикл «Отблески Этерны»

РОМАНЫ

Красное на красном (2004)

От войны до войны (2004)

Лик Победы (2005)

Зимний Излом

Том 1. Из глубин (2006)

Том 2. Яд минувшего (в 2 ч.) (2007)

Сердце Зверя

Том 1. Правда стали, ложь зеркал (2008)

Том 2. Шар Судеб (2009)

Том 3. Синий взгляд Смерти

Закат (2011)

Полночь (2012)

Рассвет (2017)

ПОВЕСТИ

Пламя Этерны (2004)

Талигойская баллада (2004)

Белая ель (2005)

И когда пылает запад... (Не окончена)

Паруса и струны (Каммориста) (Не окончена)

Записки мэтра Шабли (Не окончена)

Вера КАТША

Отблески Этерны

Книга пятая

**СЕРДЦЕ
ЗВЕРЯ**

ТОМ ТРЕТИЙ

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

РАССВЕТ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

В оформлении обложки и шмуцтитолов
использованы иллюстрации *Яны Кучевой*

Камша, Вера Викторовна.

К18 Синий взгляд Смерти. Рассвет. Часть вторая / Вера Камша. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 544 с. : ил. — (Фэнтези Н. Перумова).

ISBN 978-5-699-97920-2

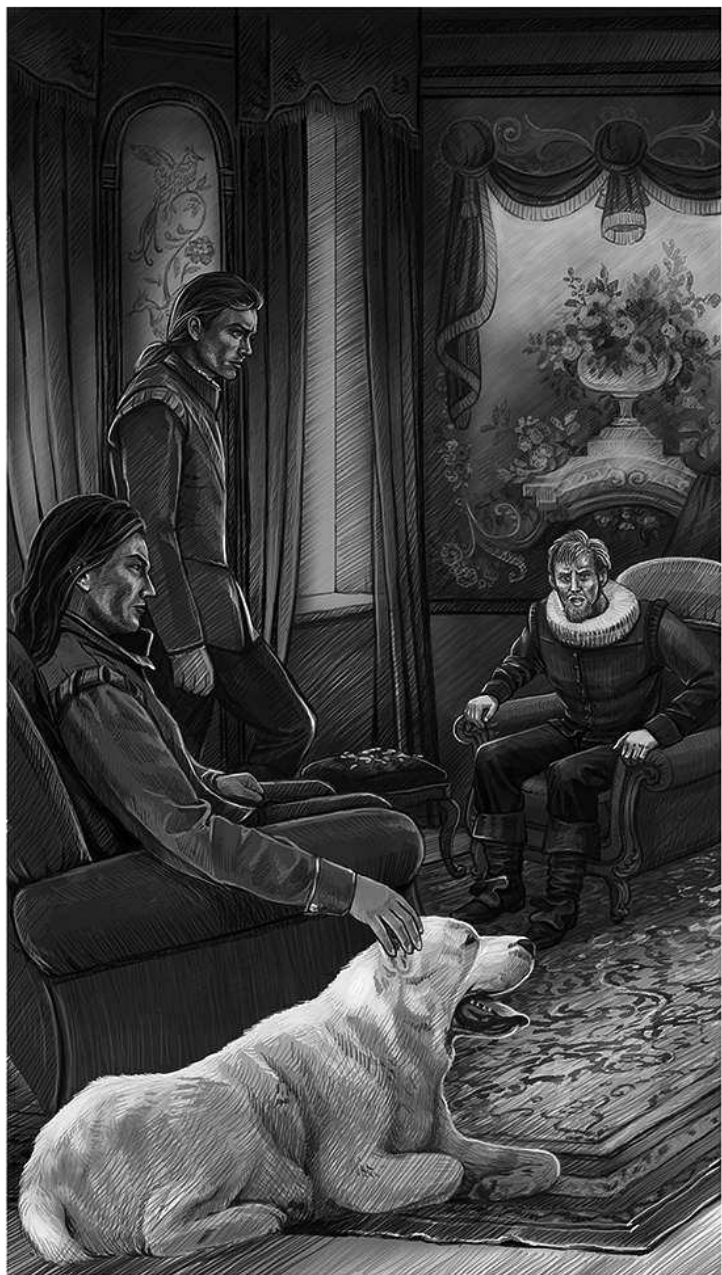
Осенние дожди притушили большие войны, но тем сильнее кипят страсти, тем сильнее истончается граница между жизнью и смертью. Алое становится черным, сходят с ума фрески, не верят своим глазам люди. Смотрит кошмарный сон четвертый раз сменившая имя столица, уходит в туман избранник Славы Руперт фок Фельсенбург, Скалы обретают Повелителя, Проземператор Савиньяк — шестую часть сердца, а казар Баата — истину. Капитан Арамона встает грудью за родную кровиночку, адмирал Вальдес рассылает манифесты, дукс Жан-Поль Салиг не знает всего в своем доме, а маршал Капрас — в себе самом. До начала нового Круга остается четыре с половиной месяца, до конца цикла «Отблески Этерны» — две книги.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97920-2

© Камша В. В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

«Когда император покинет империю, — пугали древние, — Золотые Земли канут в пучину бедствий». «Шар судеб сорвется с места, — предупреждали гоганские мудрецы, — и горе тем, кто окажется на его пути. О том, что будет, если тот, кто по всем признакам и есть император, вернется, предсказания умалчивали, а он вернулся и потребовал сперва гитару, а затем — доклад. Заканчивая оный, виконт Валме понял, что все предыдущие его поручения были не такими уж и особенными, ведь «Дрянь Судеб где-то катается и полагает себя неотвратимой. Это она вообще-то зря».

V. «ПОВЕШЕННЫЙ»¹

Я — человек, который не принадлежит никому и кто принадлежит всем.

Шарль де Голль

Глава 1

БАКРИЯ. ХАНДАВА. ТАПИГ. АКОНА

400 год К.С. 7-й день Осенних Волн

1

охладало, и Валме немного проснулся. Вставать виконт не собирался, но его принялись лизать. Это было странно: после бдений и возлияний Марсель предусмотрительно оставлял пса на улице, а выпили вчера изрядно.

Виконт приоткрыл правый глаз: перед ним в самом деле был Котик. Волкодав бестактно улыбался, а Марсель по утрам радовался жизни лишь в исключительных обстоятельствах.

---

¹ «Повешенный» (**Man Le Pendu**) — высший аркан Таро. Карта говорит о необходимости самопожертвования во имя достижения цели. Возможно, надо отрешиться от мирских ценностей, пренебречь материальной выгодой. Иногда карта указывает на необходимость осознания того, что жизнь не ограничивается одной лишь материальной стороной и на существующие проблемы следует посмотреть под другим углом зрения. **ПК**: неуверенность в себе, иногда — страх, вмешательство в вашу жизнь посторонних. Карта может означать, что ваши планы обречены на неудачу, так как вы пугаетесь трудностей.

— Откуда ты взялся? — простонал виконт, отпихивая настырную морду. — И почему сквозняк? Окно открыл? Ты теперь летаешь?.. Кошмар!

— Готти привел я, — сообщил сквозняк. — Если будит кто-то истинно любимый, пробуждение становится менее ужасным.

Пробужденный повернулся на голос и узрел Алву. Соберано был свеж, выбрит и явно готов сесть в седло, увы, жаворонки Марселя бесили с детства.

— Если это сон, — отрезал виконт, — то, несмотря на Котика, отвратительный. И почему в нем нет хоть какого-нибудь Герарда?

Наследник Валмонов врал. Отвратительным предполагаемый сон стал бы, окажись он в самом деле таковым. Проснуться и понять, что Рокэ по-прежнему в дыре, а ты выискиваешь себе особые поручения и врешь дамам, высокопреосвященствам и бакранам... Только не это! Марсель торопливо сел и отбросил одеяло из пятнистых шкур. Барсовых, надо полагать.

Интересно, почему бог Барс не запрещает охотиться на хвостатую родню? Хотя позволяет же великий Бакра одним своим чадам доить, стричь и есть других. Пусть с уважением и благодарностью, сути это не меняет.

Брякнуло. Умный Котик приволок перевязь со шпагой и теперь ждал заслуженного пряника.

— Сейчас, — заверил пса виконт. — Герцог, какая вы все-таки скотина. Да, я заявляю протест и, как и предупреждал во сне... то есть вчера, перехожу на «вы». С офицерами по особым поручениям так себя не ведут!

— Брудершафт обратного хода не имеет, — рассеянно откликнулся Ворон. То, как он выглядел, вызывало желание немедленно затолкать в дыру дражайшего папеньку. Если, конечно, дыра действует на всех, а не только на Алву, и если она еще не заросла.

— Брудершафт не более чем формальность, — Валме широко, по-собачьи, зевнул. — Я не выспался, а ты все равно скотина.

— Первой, кого я поднял среди ночи, — задумчиво произнес Рокэ, — оказалась моя мать, и было сие тридцать восемь лет назад. Затем не давать людям спать вошло у меня в привычку. Во время какой мистерии мы расстались?

— Что? — не понял Марсель. На столе печенья не нашлось, пришлось сгрести в кучу одежды и заняться карманами.

— Ты сказал, что мы расстались во время мистерии, — напомнил Рокэ. Он издевался, что убеждало в его подлинности не хуже тени, на сей раз солнечной.

— Я вынужден повторять вновь и вновь, — с достоинством произнес наследник Валмонов. — Ты — скотина.

— Не спорю, хотя те, кому я досаждаю, обычно выбирают другие слова. Так что это была за мистерия?

— Это была дыра! — взорвался Марсель. Котик озадаченно гавкнул, Рокэ только поднял бровь.

— Какая именно? — Этот перевыходец униматься явно не собирался. Ну что ж, про дыру так про дыру!

— Надорская. Круглая такая, без дна. У меня, между прочим, был гвоздь в сапоге!

— Это в самом деле раздражает. — Рокэ поманил Котика, и негодай тут же полез целоваться. — Последнее, что помню я, это вечер у Матильды, после которого со мной что-то произошло. Вчера я застал почти тех же людей за тем же самым занятием, но прошло несколько месяцев. Меня это озадачило, однако звезды ясно указывают на начало Осенних Волн. Кто родился у Этери?

— Девочка... Постой, но ты же вышел от нее!

— Этери слишком хорошо воспитана, чтобы, едва поздоровавшись, заводить разговор о детях, а у меня было не в порядке с головой. Итак, я провалился в надорскую дыру. Как и когда?

— Пятнадцатого Летних Волн, — не стал темнить Валме. — Так ты не издеваешься?

— Я вспоминаю, вчера это было неуместно. Как мы очутились в Надоре?

— Зоя... Капитан Зоя Гастаки. У нее к тебе было дело, но она стала выходцем...

— Поймай, — Алва поморщился, но ладони к глазам почему-то не поднес. — У тебя есть вино? Говорить о капитане Гастаки на трезвую голову я не готов.

— Руку ей, между прочим, первым поцеловал ты!

— Значит, я наконец сошел с ума.

— Для поцелуя имелись основания, — Марсель твердо решил быть справедливым. — Знаешь, я как-то не хочу вина, то есть не хочу вина без ничего... Ты завтракал?

Цирюльник пожелал доброго утра и взялся за дело. Молодчика наверняка подмывало сообщить монсеньору, что тот бледен, однако хороший цирюльник знает, когда лучше промолчать. Бестактность — привилегия набивающейся в друзья ровни, а ставить таковую на место Лионель выучился в Ариго, куда мать в свое время часто ездила. Переносились эти визиты с трудом, хотя дали они немало... Именно в Гайярэ будущий граф Савиньяк узнал, что люди бывают неприятными, и выучился с ними обращаться. Эмиль дерзил и пытался удирать, Лионель вежливо и подробно отвечал. Так вежливо и так подробно, что хозяйка начала предлагать «дорогому Ли» поиграть в парке или посмотреть книги. Ли играл и смотрел; один том, в алом переплете с золотым тиснением, ему так приглянулся, что матери пришлось выменять книгу на какую-то любезную графине Ариго дрянь. Какую именно, Лионель запомнил, подзабылись и вождественные «Жизни шестнадцати «Львов», а ведь в истории магнуса Руция имелась на первый взгляд мелочь, отлично лежащая на одну из «оговорок» Рокэ...

— Я закончил, монсеньор, — доложил цирюльник. — Сегодня очень сильный ветер. Это из-за заката...

— Пожалуй, — согласился едва не ускокавший в упомянутый закат Проэмперадор, и мастер убрался. Оставшись один, Савиньяк гляделся в свое отражение — бледность впечатляла, а ввалившиеся глаза так и норовили закрыться. При этом Лионель пребывал в отменном настроении, поскольку одним вопросом теперь стало меньше. Кровью клялись не зря — она могла самое малое слушать и слышать!

Правда, и вытекло ее вчера немало... Больше, чем в Торке, когда капрал-бергер в два счета перетянул растерявшегося теньенту плечо. Любопытно, станет ли Райнштайнер объяснять, откуда в его обиталище взялась кровавая лужа? Лионель попытался поставить себя на место барона — по всему выходило, что пол и стену Ойген мыл лично. И, само собой, оттер дочиста.

Окна были закрыты и замазаны, но колокольный зов доносился и сквозь двойные рамы. Пора. На это утро совсем уж неотложных дел Проэмперадор не оставил, но отлежаться не получалось. Если промешкать с выходом, уже наверняка болтающийся под дверью Эмиль оную высадит, подав очередной повод для слухов, которых и так, спасибо беженцам, хватает. Ли, уподобившись Марианне, пару раз куснул губы, вынуждая их покраснеть, и решил слегка подшутить.

Ход для прислуги позволял зайти в тыл тем, кто толкался в приемной. Оказалось, кроме Эмиля с Райнштайнером явился еще и Арно. Братцы, стоя плечом к плечу, наблюдали, как Ойген допрашивает несчастного брадобрея. Не подкрасться при таком раскладе было невозможно, и Ли подкрался.

— Хочешь сменить мастера? — осведомился он. — Не советую. Тебя отлично бреют.

— Доброе утро, Лионель. — Стань Проэмперадор конем, Райнштайнер немедленно осмотрел бы ему ноги и десны. — Как ты спал?

— Мало. Но лучше встать самому, чем быть поднятым, как выразилась бы Мелхен, заботливыми и встревоженными.

— Сегодня тебе следует лежать, — вынес вердикт барон. — Утренние доклады приму я как комендант Аконы.

— Принимай, — согласился Лионель, заметив на адъютантском столе футляр с бегущими борзыми. — Эстафета от Проэмперадора Юга?

— Да, Монсеньор. — Сэц-Алан глянул на часы. — Прибыла три четверти часа назад.

— Что-то срочное есть?

— Только письмо графа Валмона.

Это не «только», это очень много. Бертрам писал и прежде, но матери, ведь мать на то и мать, чтобы забрасывать сыновей письмами. Это не ущемляло регентского достоинства, а недельная задержка ничего не решала. И вот доверенный курьер от Проэмперадора Юга к Проэмперадору Северо-Запада и Надора. Скверно.

— Ойген, — предложил Лионель, уводя готовую раскудахтаться троицу подальше от адъютантских ушей, — раз уж ты взялся меня замещать, оставайся на завтрак. Арно, где твой рапорт?

— Ка... кой?

— О том, что тебе надоело болтаться в Аконе при братьях-маршалах.

— Я...

— Несомненно, ты. «Воронные» или «спруты»?

— Господин Проэмперадор, я с радостью несу службу при штабе Южной армии!

— «Воронные», «спруты» или Старая Придда?

Паршивец хлопал глазами — мыслил. В ушах шумело, было зябко и страшно хотелось сесть. Просто сесть... А Эмиль сегодня — вылитый Арно, или это Арно — вылитый Эмиль? Забавно... Их трое, и все воюют, а ближе других к смерти подходила мать. Малыш со своим ураганом оказался вторым, а они с Эмилем идут голова в голову. В Гаунау было горячее, чем в Фельпе, зато по Фельпу шлялись убийцы.

— «Спруты», — решил наконец братец. Он собирался болтаться в Аконе и спасать, он был предсказуем.

— Предписание получишь завтра после обеда. Все, господа.

Все. Повернуться, затворить дверь, рухнуть наконец в кресло, прикрыть глаза. Ненадолго, чтобы просчитать до четырехсот и взяться за дело! Валмон не склонен зря бить тревогу, и он пока еще всерьез не ошибался. Единственный из всех — старых, молодых, военных, штатских, южных, северных... Не ошибался и не волновался, а может, и вол-

новался, только виду не подавал. Стукнуло, заскрипело...
Отсидишься тут, как же!

— Ли!.. Ли, ты в порядке?

— Я-то в порядке, а вот у тебя отрастают крылья. Куриные.

— Обморок — это, по-твоему, порядок?

— Будь я в обмороке, я не мешал бы тебе квохтать, и вообще, господин командующий, шел бы ты командовать. Станет неважно, заходи убедиться, что я жив, только, пожалуйста, не раньше вечера.

3

Маменька со тщанием собирала и хранила все обиды, нанесенные ей папенькой — неправильный подарок на третью годовщину свадьбы и еще более неправильный — на восьмую, непохваленный десерт, незамеченные следы слез или замеченный покрасневший нос...

— Я пошел в мать, — твердо сказал Марсель, — я не забываю ничего, и я обижен. Крайне. Там была каменюка с бронзовыми кольцами, а у меня в сапоге — гвоздь.

— Про гвоздь я уже затвердил, — уверил Алва. — Навеки. Что со мной случилось дальше?

— Дальше ты выскочил в Хандаве, — издокладывавшийся Марсель успел охрипнуть и потому тяготел к краткости. — Из спальни Этери.

— Из гостиной, — поправил Ворон. — Занятно, что Матильда приняла меня за жеребца, о чем и сообщила Этери. К счастью, дамы выпили достаточно, чтобы не удивляться.

— А с чего им удивляться? — Валме осчастливил Котика куском холодной баранины. — Дыру видел только я, зато Матильда видела Зою, а Бонифаций о ней слышал. У тебя хороший аппетит — лучше, чем прежде.

— Предпоследний раз я, судя по всему, ел четырнадцатого Летних Волн. Вечером.

— Потом мы еще завтракали. Я оказался прав: мясо, несмотря на Зою, не протухло... Должен тебе сказать, что вы-

ходцы ходят особенными дорогами, когда смотришь с них, все кажется шиворот-навыворот.

— В любом случае я успел проголодаться. — Ворон вытер руки и быстро снял, почти сорвал сперва куртку, а затем и рубашку, после чего повернулся к виконту спиной. Марсель по-коннеровски присвистнул. Вызвавшие у пантерок визг и стоны шрамы пропали, будто Котик слизал. Предъявленная спина была гладкой, разве что ниже плеча и под лопаткой темнела пара родинок.

— Нету, — объявил все еще краткий Марсель. Шрамы были жуткими, но их мало кто видел, а если и видел, то почти наверняка выпив, так что не слишком уж они и мешали. Вот без них стало как-то неправильно, почти как без тени.

— Значит, я переоценил тактичность Этери, — сделал вывод Ворон и принялся одеваться. За подобное спокойствие хочется врезать, а маменька однажды швырнула в папеньку вазочкой. Тот увернулся и выписал из Ургота первую рассаду, это были еще не астры и уже не семья.

— Если ты предоставил Этери возможность быть тактичной, то мог заметить, что она успела родить.

— Вначале я как-то упустил из виду, что даме следует быть в деликатном положении; потом я, само собой, вспомнил, но это был уже второй визит. Вот о чем я забыл спросить, так это о муже; он жив, надеюсь?

— Намекаешь на то, что жениться на вдове не собираешься?

— Посмотрим. Так где Барха, или его опять переименовали?

— До рождения второго сына его высочество останется Бархой, — Валме по-посольски развел руками. — В настоящее время он со своей гвардией патрулирует пока еще гайфскую границу, а Бакна их инспектирует. Его величеству это дело очень нравится. Как ты думаешь, для бакрана рога — позор или наоборот?

— Все зависит от рогов. Кто знает про дыру?

— Папенька и Зоя с Арамоной. То есть выходцы знают, что ты там, где хотел быть.

— Забавно, — Рокэ знакомо посмотрел сквозь бокал. Нет, это положительно был он, пусть и без шрамов! — Стоит

мне оказаться там, где я хочу, как приходится возвращаться. Если знает Бертрам, знает и графиня Савиньяк.

— Графиня на севере. О несвоевременных вещах папенька никогда не напишет, а ты провалился очень некстати.

— Главное, о том, что я умирал, известно только вам с отцом.

— Ничего нам не известно! Труп я не видел, только дыру. — Марсель поднял бокал. — Твое здоровье!

Бокалы столкнулись, раздался мелодичный, не желающий стихать звон. Алва провел ладонью по лицу.

— Надеюсь, хоть эта голова болеть какое-то время будет, — заметил он с некоторой рассеянностью. — Докладывай.

— Опять?!

— Ты еще и не начинал, — Рокэ подцепил последний кусок мяса и отдал только этого и ждавшему Котику. — Моя смерть к делу не относится, к тому же Валмоны решили, что ее не было, я склонен с этим согласиться.

4

«...Не возьмусь сказать, когда тебя стало поздно учить, — хмыкал из своего далека Проэмперадор Юга, — так что по-лучай наши новости и распоряжайся ими по своему нетривиальному усмотрению...»

Пожелание было достойно Бертрама, известия... Ничего сопоставимого с Мельниковым лугом или Олларией не случилось. Пока.

В Гайифе по-прежнему странно и непривлекательно, корсары продолжают трепать побережье, новоявленный «Сервиллий» собирает силы, мориски тоже. В Алате некоторые горячие и при этом корыстные головы желают округлить владения за счет Агарии и Гайифы. Просто горячие головы, кто не попал в корпус Карои, рвутся подраться хоть где-то, к тому же им почему-то не нравится новый павлин. Альберт выжидает, но к Талигу лоялен, в этом нет ни малейших сомнений.